

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СИНДРОМА КОНЦА ИСТОРИИ

Вот уже более двадцати лет предметом обсуждения гуманитариев различного профиля является интеллектуальная конструкция американского философа Ф. Фукуямы о конце истории с ее последующим гипотетическим пересмотром самим автором. Первоисточниками самой постановки вопроса о конце истории Ф. Фукуяма справедливо считает Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса, первый из которых связывал конец истории с либеральной моделью общества, а второй с коммунистической, тождественных в том плане, что общество, в конечном счете, когда-то решит все экономические и политические проблемы, и тем самым история, понимаемая не как простой ряд событий, который никогда не прервется, а как некая генеральная линия развития человечества, перейдет в некую однообразную эволюционную линию не мотивированного и не направляемого какими-либо всеобщими целями и смыслом простого существования. По мнению Ф. Фукуямы, коммунистическая модель общества оказалась принципиально нереализуемой, а потому его собственное понимание конца истории осталось на одном либеральном основании. Нельзя не отметить, что Ф. Фукуяма не совсем корректен по отношению к К. Марксу, который прямо указывал, что именно с коммунизма начинается подлинная история человечества, а до него общество переживает всего лишь свою предысторию.

Позиция Ф. Фукуямы не случайно неоднозначна в том плане, что даже при допущении всеобщего мирового перехода на рельсы либерального развития нельзя абсолютно отрицать возможность становления в дальнейшем нового типа общества с новыми историческими формами борьбы идеологических страстей, экономических потрясений и военных столкновений на уничтожение конкурентов, – то есть к началу новой истории. Для конкретных сценариев такого хода развития современность не дает достаточного фактического материала, а пророчествовать серьезные исследователи не берутся.

Причиной такой неопределенности, на мой взгляд, является утопичность исходной посылки рассуждений о конце истории двух вышеуказанных классиков, на которую сознательно опирается Ф. Фукуяма. Это технологический утопизм, состоящий в утверждении возможности общества обеспечить всеобщее выживание своих членов за счет достижения наивысшей производительности труда на базе научно-технического прогресса. И тогда действительно возникает вопрос о смысле и целевой направленности существования людей в условиях достижения всеобщего благополучия. Г. В. Ф. Гегель, по словам Ф. Фукуямы, оперирует здесь некой абстрактной духовностью (по аналогии с Платоновской душой), состоящей в стремлении к неистребимому стремлению человека самоутверждению, признанию его самодостаточности другими людьми и возвышению над ними. К. Маркс, как известно, дал более конструктивный ответ на этот

вопрос в своей идее превращения труда из внешней необходимости в первую жизненную потребность человека. Но ни тот, ни другой выход из ситуации с неопределенностью некой всеобщей универсальной мотивации человеческой жизнедеятельности в условиях тотального экономического благополучия, политической стабильности и идеологического угасания не являются достаточно обоснованными и представляют собой некое вынужденное допущение, не опирающееся на логически последовательные аргументы.

Ф. Фукуяма опирается на сформировавшуюся в XVIII – XIX в. в. абсолютистско-прогрессивистскую модель общественного развития, состоящую, как было отмечено выше, в утверждении возможности неограниченного общественного прогресса, обуславливающего наступление конца истории, понимаемой, следовательно, как движение от недостаточно совершенного общества к предельно совершенному состоянию, то есть к своему завершению. Но это все допущения, и до тех пор, пока не будет вскрыт закон социального бытия, за рамки взаимоисключающих равноправных допущений не выйти.

Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном, однозначном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) в принципе полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, то есть обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Выбор ответа здесь не связывается с вопросом о численности народонаселения (за исключением абстрактных предельных значений) и действием всякого рода случайностей на уровне индивидуальной и общественной жизни. Критерием принципиальной возможности полного обеспечения общества ресурсами жизни является отсутствие необходимости внутривидовой борьбы за их распределение. Иначе говоря, это главная теоретическая альтернатива в объяснении законов общественного бытия, а именно – может или не может человечество обеспечить в процессе материального производства всеобщее благополучие, то есть (в простом витальном измерении) накормить, обути и одеть всех жителей Земли? Либо “да”, либо “нет” – именно тут находится ключ к пониманию человеческого способа жизни.

В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и философской антропологии. Следовательно, прежде, чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Таким образом, в основе социального познания, в том числе исследования конкретных социальных объектов (исторических общностей) лежат две аксиомы, представляющие собой два противоположных ответа на вопрос – может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов? Положительный ответ привычен, но он не позволяет объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий. Отрицательный ответ еще не получил достаточного распространения, но методологически он более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

В соответствии с выбранной исходной посылкой, являющейся методологической базой социального исследования, строится целостная социально-теоретическая модель общества. Различного рода экспертные аналитические выступления по поводу тех или иных социальных событий обычно представляют собой формулировки проблем, исторические аналогии, прогнозные сценарии, сопровождаются диаграммами, графиками, таблицами и другой информацией, но, как правило, не опираются на теоретическое объяснение, не вскрывают сущность, а остаются на уровне явления. Однако необходимо именно объяснение, вытекающее из фундаментального социологического закона, определенной социальной геометрии, выстраиваемой в соответствии с выбранной исходной посылкой.

Величайший миф индустриальной эпохи, по крайней мере в рамках европейской культуры, – это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности этого мифа он в конечном счете всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. Причем это в равной мере относится к внешне противоположным социальным моделям – капиталистической и коммунистической. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага – труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общефилософском плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено главным образом действием “закона людей”, а не “закона вещей”. Это означает, что со

стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность в той же самой среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы. Тем не менее, в качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства.

Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Однако общественная практика в настоящее время поставила вопрос о наличии всеобщих абсолютных границ, связываемых в общественном сознании с достижением планетарного рубежа материально-технической деятельности. Хотя, с одной стороны, для его преодоления в том или ином виде нет каких-либо принципиальных препятствий, делающих это

преодоление невозможным, и для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия нужно только одно – дополнительные ресурсы. Но, с другой стороны, объем этих ресурсов так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным, чем когда бы то ни было. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм неорганической материи, с использованием которых можно было бы достаточно определенно связывать его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т.п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрекращающегося роста, к которому оно привыкло, и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредствованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете, растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, “преодолеть” данную техносциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

Отношение “цель – средство” является фундаментальным социальным отношением, исторические формы отъема чужого жизненного ресурса меняются. Современность в этом плане характеризуется тем, что данное отношение реализуется за счет разницы уровней квалификации. Здесь действует не просто разделение труда в общей системе производства, а неэквивалентный обмен результатами деятельности. За малоквалифицированный труд человек меньше получает, хотя своего

жизненного ресурса затрачивает больше. В отношениях между странами происходит то же, что и между индивидами. На смену завоеванию территории, колонизации, неокolonизации с ее монокультурным производством приходит информационно-технологическая колонизация, когда в отстающих странах создается такой порядок, когда они сами добывают ресурсы и отдают их в процессе неэквивалентного обмена передовым странам. Модель ресурсной подпитки лидирующих общностей: номенклатура ресурсов жизни расширяется. Не только энергоносители и минеральное сырье. Сюда входит и утечка мозгов, рабочей силы и пр. Т.е. перекачиваются вообще ресурсы жизни.

Человечество, войдя в процесс глобализации, оказалось на распутье. Объективное содержание этого тезиса заключается в становлении единой системы внутреннего социального взаимодействия, то есть в исчерпании резервов развития на основе фундаментального социального отношения “цель—средство” в рамках внешнего, межобщностного взаимодействия. Конечно, разделения земного сообщества на внешние друг для друга общности еще хватает, возникают новые формы межобщностного разделения и неэквивалентного обмена результатами деятельности, появляются новые субъекты социальной дифференциации. Однако средства борьбы за выживание беспредельно усиливаются, угроза глобальной социальной катастрофы возрастает, а сама борьба за выживание все ближе к признанию в качестве нормального естественного состояния. Границы между “своими” и “чужими”, целью и средством становятся все более подвижными, при этом разум протестует против такого разделения, ищет из него выход, но не находит рецептов ни в религии, ни в светской утопии.

Современное общество достигло некоторого предельного состояния, возможного при существующем способе жизнедеятельности. Во-первых, это исчерпание материального производства, обнаружение его ресурсных и технологических пределов при отсутствии видимого альтернативного пути материально-технического развития. Во-вторых, в ходе социального взаимодействия, борьбы за жизненное пространство общностям уже некуда расширяться или отступать без столкновения с другими общностями, человечество сомкнулось в ограниченном пространстве.

Глобальный мир можно рассматривать как одну общность, объединяемую необходимостью совместной жизни разных общностей по определенным правилам, при соблюдении общих норм (по аналогии с подчинением отдельных индивидов законам права и морали). Однако в глобальном мире, как и в рамках отдельной общности, предполагаются правила жизни в интересах лидеров, а тех, кто не подчиняется, подавляют силой. Важно отметить, что глобальный мир – это еще не все человечество, а всего лишь расширяющаяся сфера социального объединения, хотя и представленная наиболее развитыми зонами. Глобализация ведет к переструктурированию мира, идет процесс складывания новых геоисторических общностей.

В условиях глобальной кризисности материально-технического развития, выражающейся в достижении обществом предельных значений по всем основным показателям исчерпаемости окружающей среды, каждый кризис может оказаться последним в том смысле, что выход из него не будет означать возврата на исходные позиции продолжения роста, а будет означать переход на какие-то иные пути общественного развития с некой катастрофической прелюдией, о чем можно строить лишь смутные догадки.

Кризис современной цивилизации, понимаемой как технологический способ жизни и как мировое сообщество, существенно отличается от прошлых кризисов, связанных с перепроизводством и переделом территорий и приводивших к войнам, в которых искали выход из кризиса. В соответствии с техносоциальной формулой общества происходит абсолютный рост производства, населения и потребления. Если до недавнего времени абсолютный предел роста связывался с ростом населения (недостаток продовольствия), то теперь на первый план все больше выходит угроза предела самого производства, эффективность которого неуклонно снижается. Начало такого кризиса отчетливо проявляется в нарастающем дефиците энергоносителей.

В целом наблюдается рост предметной оснащенности человеческой жизни, усиливается материальное воздействие на окружающую природную и социальную среду, т. е. усиливается предметное давление людей друг на друга. Усложняется система нормативности общественной жизни, углубляется противоречие между естественным правом каждого человека на то или иное действие со своей стороны и таким же правом ограничения этого действия со стороны других людей. Абстрактно это противоречие неразрешимо, но конкретно оно решается в системе социальной дифференциации, в отношении “цель – средство”. В условиях воздействия глобализации кризис материально-технического развития сопровождается кризисом социально-культурной идентификации субъектов мирового взаимодействия.

Таким образом, механизм кризиса современной цивилизации в самом общем виде можно обрисовать следующим образом:

Есть определенные циклы, не заданные и не повторяющиеся. Общество все время идет по какому-то новому пути. Новизна – это объективная необходимость цивилизации. Здесь нет никакого ценностного содержания. Новизна – не судьба, не обреченность, не приговор, это просто необходимость, но всегда имеются какие-то этапы устоявшегося способа существования. Если не переменить способ, когда он исчерпывается, будет кризис. Если из кризиса не выйти, будет конец. Опять же, не в том смысле, что все погибнут, а в том, что общество безостановочно покатится назад, но это только абстрактно-гипотетически, ибо человечество всегда меняет направление и движется дальше. Именно дальше, а не вперед, поскольку такого определенно-поступательного направления не существует.

Будущее никогда не будет лучше или хуже настоящего, которое в свою очередь не хуже и не лучше прошлого. История – это никогда не

прекращающееся настоящее, в котором всегда кому-то хорошо, а кому-то плохо, т. е. всегда сохраняется фундаментальное социальное отношение, разделяющее людей на цель и средство. Состояние, когда всем было бы хорошо или плохо, принципиально невозможно.

По мере цивилизационного развития проблемы будут обостряться, точнее, будет эволюционировать специфически-человеческий способ жизни: все больший отрыв от естественных оснований, увеличение степени риска, обострение всех проблем. Идеального состояния не будет никогда, потому что его не может быть в принципе. Ухудшение положения будет все более вероятным: обострение борьбы, обострение средств ведения войны, средств уничтожения. С другой стороны, совершенствование всех средств защиты, но увеличение общей неравномерности увеличивается, т.е. все более разрушительные следствия в результате каждого конфликта.

В целом картина такая: достижения идеального состояния не будет, потому что оно невозможно. Остается состояние борьбы за выживание, насилия, динамика только в их обострении. Это как падение вниз – остановиться невозможно, в процессе падения состоит вся жизнь, но падение происходит с нарастающим ускорением.

Проблема будущего – объективная проблема устойчивости развития. Будущее не гарантировано, устойчивость материально-технического и аспекте, т. е. как движение от неосознаваемого несовершенства жизни (прошрое) через ее осознанное недостаточное совершенство (настоящее) к достижению полного совершенства (будущее). Надежды на лучшее связывают с будущим, вера в него поддерживает, позволяет терпеть трудности настоящего, с будущим связан оптимизм.

Современность *нашего* времени рождает страх перед будущим, экстраполируя в него негативные изменения жизни, обусловливаемые цивилизационным развитием общества, светская модель Апокалипсиса все сильней затемняет горизонт будущего. Осознание техносоциальной формулы лишает человека будущего в том плане, что устраняет его ценностно-прогрессивистское наполнение, лишает человека надежды и веры в лучшее, заставляет его принять настоящее и предстоящее как должное. Лучше не будет, но и хуже не станет. Люди живут один раз, причем не только в своем времени (относительно), но и во всеобщем времени (абсолютно); люди *как люди* одинаковы, будь то древние греки или современные французы; и то, *как* они проживают – например, по возможности пользоваться достижениями цивилизации, – определяется не принадлежностью к эпохе (допустим, электричества или компьютеров), а местом в социальном пространстве, т. е. доступностью этого самого электричества и компьютеров.

Таким образом, определяемый значением техносоциальной формулы (характером графика) закон материально-технического, социального и духовного развития состоит в ускорении его темпов при непрерывном, неотвратимом увеличении объема общества. Объективно закономерным является непрерывный рост материального производства, в том числе

увеличение массы и энергетической мощности всеобщей материально-технической системы, постоянное обновление предметного содержания материально-технического развития, т. е. вовлечение все новых и новых предметов и процессов природы, разработка новых конструкций и технологий. Столь же закономерно увеличение требуемой численности народонаселения, порождающий ряд специфических проблем. Соответственно в социальной области наблюдается обновление, расширение форм конкуренции и насилия при наращивании мощности и поражающей эффективности средств социальной борьбы.

Говорить об абсолютном уменьшении устойчивости человечества было бы недиалектично, но сохранение неопределенности и следующего из нее риска представляется несомненным.

В сфере материально-технического развития это:

экологический риск – истощение сырьевых и энергетических ресурсов, загрязнение окружающей природной среды при увеличении масштабов непредвиденных отрицательных следствий, а в целом – возможность достижения абсолютного экологического порога в материально-техническом развитии общества;

технико-экономический риск – исчерпание технологического способа жизни, выражающееся в достижении пределов положительной эффективности авансируемого труда (относительный предел материально-технического развития), а также достижение абсолютного предела в разработке новых средств расширенного воспроизводства ресурсов.

В социальной сфере это:

непрерывное накопление материальных средств социальной борьбы (увеличение их совокупной массы и мощности) при объективной невозможности ее преодоления вообще или перехода к ненасильственному решению социальных конфликтов в частности, иначе говоря, достижение того предела эффективности средств материального подавления, за которым их применение становится обоюдно опасным.

В конечном счете, речь идет об общем неравновесном состоянии материально-технической сферы общества, о цикличности материально-технического развития, связанной со сменой уровней производственно-природного равновесия, когда можно говорить, с одной стороны, об относительности положительных и отрицательных следствий материально-технической деятельности людей, а с другой – об абсолютном возрастании степени риска по мере выхода общества за пределы естественно-природного равновесия.

Возрастает ли риск в общем процессе материально-технического развития? В абстрактной схеме это модель соревнования снаряда и брони. Но каково фундаментальное изменение положения техники, обеспечивает ли она неограниченное выживание и какова историческая динамика рисков:

остаться без энергии, задохнуться, погибнуть от голода и пр.? Социальная дифференциация, деление на цель и средство делает все это относительным. Проблема переходит на другой уровень – неизбежны ли социальные катаклизмы?

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете сводится к одному показателю – способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных значений с точки зрения пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.

Соответственно глобализация современного мира обуславливает возможность глобального истощения технологического способа производства и неизбежной угрозы глобального кризиса, который по причине неравномерности материально-технического развития общностей сопровождается обострением борьбы за существование, стремлением некоторых общностей разрешить кризис силовым путем за счет других общностей. Глобализация кризиса делает его постоянным и угрожающим существованию общества. Однако в глобальном материально-техническом развитии на смену ступенчатому чередованию технологических способов производства приходит состояние непрерывного инновационного развития. Вопрос о его пределах остается открытым, но признание неисчерпаемости природы и неограниченности человеческого интеллекта в ее универсальном использовании в качестве источника ресурсов жизни позволяет отвечать на него оптимистически. В конечном счете, все сводится к тому, как часто и как сильно общество будет погружаться в состояние социального коллапса.

Распространенный тезис о том, что можно достигнуть устойчивого развития при оптимизации структуры потребления и распределения, не имеет объективного основания, поскольку для человеческого существования недостаточно иметь только пищу, одежду и жилище, нужен весь комплекс социального бытия – образование, здравоохранение, культура, развлечения. Причем возрастает не только численность людей, но и продолжительность их жизни, ее предметное наполнение – без этого невозможно дальнейшее развитие научного познания. Значит, надо постоянно наращивать производство. Но уже на его нынешнем уровне обнаруживается некий экологический порог – например, ограниченность источников энергии и допустимых объемов ее высвобождения. Следовательно, путь дальнейшего роста производства грозит катастрофой. Но тогда неизбежно сокращение населения и потребления при общей деградациии общества. Однако производство будет расти, это фундаментальный закон. Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие между пределами роста и избыточностью существования как движущей силы материально-технического развития. Отсюда следует простая альтернатива – либо социальная жизнь затухает,

либо происходит технологический переворот, что всегда наблюдалось в прошлые времена. Выход один – смена технологического способа жизни.

Смена технологических способов производства сопровождается кризисами, охватывающими общество в зависимости от его готовности к переходу на новый уровень производственно-природного равновесия. Периоды существования на базе определенных технологических способов производства (на базе освоенного ресурсного потенциала природы) сокращаются, а затраты на переход к новому технологическому способу возрастают. При невозможности изменения материального субстрата техники и перехода к новому технологическому способу производства общество не может выйти из кризиса и разрушается. Все это показывает действие техносциальной формулы общества, означающее неотвратимое снижение эффективности человеческой деятельности, компенсируемое расширением сферы преобразования природы. История демонстрирует примеры попадания отдельных цивилизаций прошлого в технологический тупик и их последующего исчезновения.

Общество еще не оказывалось в безнадежном историческом тупике, однако выходы из критических ситуаций, как правило, были связаны с войной, которая все перемешивает, сглаживает социальные перепады, уничтожает все лишнее и выводит общество на очередной виток техносциального развития. История знает две мировые войны (или одну с перерывом), но еще не было глобальных войн, имеющих целью не перекраивание территорий, занимаемых общностями, а перестройку самих общностей, перестраивание социальной структуры человечества. Логично предположить, что смена поколений оружия без всеобщего боевого применения может рассматриваться как начало глобальной войны в виде постоянной гонки вооружений и непрекращающихся локальных конфликтов, т. е. войны оружия как войны экономик.

Познание всегда исторически ограничено. Но до последнего времени оно шло впереди материальной практики и переход к новым технологическим способам жизни во многом базировался на уже созданных познавательных заделах. Сейчас скорее потребности практики идут впереди познавательных возможностей, и нельзя исключать возникновение такой ситуации, когда обществу, способному в принципе познать любые природные явления и преобразовать их в необходимые для производства ресурсов жизни состояния, просто не хватит времени до наступления всеобщего технологического кризиса.

Материально-техническое развитие общества не имеет принципиальных пределов ни по источникам потенциальных ресурсов жизни в природе, ни по интеллектуальным способностям людей вовлекать эти ресурсы в производственный оборот и управлять отходами жизнедеятельности. Следовательно, нет абсолютного экологического порога в существовании социума. Однако реализовать беспредельность человеческой жизни на Земле можно только на базе научно-технического прогресса и социальной гармонии.

Людей на Земле становится все больше, а переход на новый ресурс становится все трудней и дороже. Доступные на Земле ресурсы, готовые к использованию, близки к исчерпанию. То же самое относится и к формам загрязнения, которое становится предельным.

Человеческий способ существования живого, выражающийся в избыточности предметного наполнения жизни, достиг своего предела на базе созданного материального субстрата техники. Есть или нет объективный предел человеческому способу существования живого, т. е. предел предметному наполнению жизни, – это абстрактный вопрос, имеющий равноправные альтернативные ответы. Признание неисчерпаемости природы и неограниченности человеческого интеллекта позволяют оптимистически отвечать на этот вопрос. Но здесь важно другое: переход на новый уровень в освоении природы, к новому материальному субстрату техники, требует перехода к новой системе общественных отношений. Наверное, ключевым словом здесь является понятие глобального общества, но не как единого человечества, не либерального и не централистского, а характеризующегося своими специфическими формами социальной дифференциации, выражающей фундаментальное социальное отношение цели и средства. В глобальном обществе устанавливается новый тип социальной дифференциации, в которой линии внутриобщностного и межобщностного разделения на цель и средство сплетаются в пронизывающую все общество сеть, и демократия доводится до своего логического предела – становится всеобщим правом борьбы за выживание, когда само понятие права становится излишним.

Бытует выражение – этот безумный мир. Нет, мир нормальный, обычный, т.е. он соответствует закону. Модели безумного или порочного мира, провозглашающие его исправление, улучшение, прогресс и пр., не имеют под собой объективных оснований и являются идеологическим средством в борьбе за выживание.

О жизни зрелого человека говорят, что она еще не закончилась, но уже состоялась. Ничего нового ожидать уже не приходится. До сих пор жизнь поддерживалась только надеждой на нереализованные стремления (возможности). А в начале жизни было именно стремление к чему-то новому, желанному, но неизвестному, неизведанному.

Все это относится и к человечеству. Его существование состоялось, ничего нового уже не будет. Модели будущего, утопии остались позади, сейчас их никто не строит и не выдвигает. В лучшем случае осталось только стремление к решению текущих проблем. Но их не решить раз и навсегда, человечество обречено на их перманентную неразрешимость. Время экспериментальных социальных моделей закончилось. Остались только проблемы и всеобщая борьба.

Итоговый теоретический вывод: объяснение общественной жизни в рамках абсолютистской модели методологически перестало работать. Процессы глобализации получают адекватное (рациональное, логически последовательное) объяснение в рамках релятивистской модели. Говорить о

достоверности, истинности или ложности здесь не приходится, поскольку объяснение общественной жизни всегда идеологически нагружено. Однако построение целостной модели общества в рамках релятивистского подхода более продуктивно. Релятивистская модель методологически более эффективна, потому что позволяет построить именно целостную модель, в которой все сферы, все элементы общества объясняются в одном методологическом ключе. Рассмотрение по отдельным сферам вообще вне какого-либо методологического основания является сугубо эмпирическим, оно ценно в плане технологии социальной борьбы, но теоретически никак не обосновано.